

В начале было тело...

Последние годы Шеро в основном работал в кино или в опере, возвращаясь к драматическому театру только урывками, пунктиром- то сам читал монолог «Великого инквизитора» из романа Достоевского, то оркестрировал монолог Доминик Блан по автобиографическому рассказу Дюрас «Боль». Так что «Сон об осени»- первый спектакль Патриса Шеро после «Федры» Расина (2003). Да к тому же с любимыми актерами- Валерией Бруни-Тедески, его ученицей еще времен студии при театре Нантерр Амандье, и Паскалем Грегори, которого он по-сути и открыл для кино и сцены.

« Пьеса Фоссе в центре моей программы в Лувре, объединяющей театр, музыку, танец, слово, живопись и кино, - объясняет Шеро, - потому что в ней сконденсирована главная тема всей акции, названная мною, «Лица и тела». Мне всегда была присуща особая манера рассказывать об окружающем мире через мое собственное желание, то, что заставляет меня восхищаться телом актера также , как и картиной, или взглядом актрисы. Я не умею сочинять спектакль иначе, как от первого лица. Я абсолютно везде, в каждом персонаже, а там где не я сам, только те, кого я хорошо знал. Я все свожу к себе, и именно отсюда черпаю энергию для работы».

На сцене театра Ришар Педуцци идентично воспроизводит залы Лувра - в зрительный зал мы заходим через сцену, по старинному паркету, мимо картин старых мастеров в тяжелых рамах. На месте других остались лишь таблички. Именно эти таблички - кладбищенские надгробия, с которых будут считывать здесь чужую жизнь, некогда существовавшую. В пьесе все действие происходит на кладбище, Шеро выбрал залу Лувра, потому что в его представлении музей и есть в сущности единственное место, где мертвые и живые существуют вместе. Причем метафора Фоссе в спектакле реализована конкретно - покойная бабушка, о похоронах которой речь пойдет в пьесе, постоянно присутствует на сцене рядом с живыми, поддерживая их, вмешиваясь в действие или просто созерцая. Но и переход в мир иной тоже прост- шаг в сторону, и оказывается ты уже мертв: люди умирают каждую минуту своей жизни. Но это не трагично: прелесть мира, обреченного на исчезновение.

...В дождливый день поздней осени на кладбище случайно встречаются Мужчина и Женщина (именно так, без имени): когда- то в прошлом – любовники. И вдруг оказывается, что время, прошедшее после разрыва, не только не ослабило, но напротив, проявило страсть. Так

начинается пьеса норвежца Й. Фоссе, одного из самых интересных драматургов нового века (р. 1959). Партитура страсти, которая складывается из неслаженных нот, неловких прикосновений, недосказанности, невозможности сложить фразу. Шеро все пропускает через себя, иначе не умеет и не хочет. Мотив тела как наваждение проходит через все его фильмы и спектакли. Поэтому слово здесь поверяется плотью, искушается плотью, вибрирует в одном ритме с этим иступленно жаждущим другого телом, и именно это играют Бруни-Тедески и Паскаль Грегори. Никакой скандинавской меланхолии. «Амог», - надрывно разливается над сценой голос мексиканки Чавелы Варгас, и в такт ему настраивается действие на сцене. Все градусом выше с самого начала - в пьесе в первой сцене Мужчина сидит на скамейке, где его и застаёт Женщина. В спектакле Паскаль Грегори засыпает, беспомощно скорчившись, на полу и Женщина замечает его, с деликатной нежностью ложится, прижавшись, рядом. Он вскакивает, удивленный. Потом понимаешь- это как если бы намечтанное, выстраданное, выплаканное вдруг воплотилось наяву.

Photo Pascal Victor

Жар плоти словно разлит в воздухе этого спектакля, Валерия Бруни-Тедески играет желание так безыскусно откровенно, что дрожь захватывает. Могло бы показаться вульгарно, если бы все это не происходило у последней черты, когда любовь- как последняя попытка отодвинуть смерть. В пьесе Фоссе тоже желание бесстыдно, открыто - стыдятся не тела,

стыдятся следующих или сопутствующих ему *слов*. Секс помноженный на что-то большее, что герои не решаются назвать любовью. Или Богом. Потому что знают, *«Чем больше говорят об этом О сексе Да И чем больше говорят О Боге Тем скорее исчезает предмет разговора»*. Он и Она существуют в остановившемся времени, тогда как время продолжает существовать для других, Матери и Отца Мужчины, его бывшей Жены, которые пришли сюда хоронить мертвых: вибрация желания приравнивается у Шеро к вибрации жизни. У Фоссе главное- не содержание слов, большей частью обыденных, но музыка композиции: паузы, кружение повторов, превращающих текст в чистую поэзию. Не случайно текст пьесы пишется столбиком, как стихотворение. У Шеро музыка текста кажется приглушена. Вместо нее – головокружительный танец тел и хоровод лиц. Ритм более нервный, паузы почти не обозначены, присутствие персонажей более реально, осязаемо, чем в пьесе Фоссе, где так до конца и не ясно: реальна ли вся наша жизнь или лишь наваждение, сон, пригрезившийся осенью... Ответит ли на этот вопрос второй спектакль Шеро из диптиха по Фоссе, «Я –ветер», который можно будет увидеть в мае в Лондоне ?

«Сон об осени» - прекрасно сыгранный этюд о сложности желания и свойствах страсти. Но от Патриса Шеро можно было ждать большего.

Photo Pascal Victor

О программе Шеро в Лувре смотрите более подробно на сайте www.louvre.fr/chereau